

К Н И Г И
Аркадия и Георгия Вайнеров
в серии
«Азбука Premium»:

МЕСТО ВСТРЕЧИ ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

ВИЗИТ К МИНОТАВРУ

ГОНКИ ПО ВЕРТИКАЛИ

АРКАДИЙ И ГЕОРГИЙ ВАЙНЕРЫ

Гонки по вертикали

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Гонки по вертикали

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Инспектор Станислав Тихонов

...Алексей Дедушкин грустно смотрел на меня бархатными черными глазами, и я видел, как под тонкими перепонками век у него накапливают слезы.

— Мне стыдно за вас... — сказал он своим глубоким мягким баритоном.

Вот так. Ему было стыдно за нас. Или, может быть, только за меня, а за Сашку Савельева не очень? Нет, скорее всего — за нас обоих, потому что беседовали мы втроем, и Сашке он был обязан нашей встречей даже больше, чем мне. И хотя мне тоже было стыдно за свое поведение, а уж про Сашку-то и говорить нечего, я спросил Дедушкина:

— Все-таки расскажи мне, Дедушкин, за что же тебя наградили этим орденом.

Дедушкин достал из кармана белый платок, промокнул быстрым движением глаза и негромко, интеллигентно высморкался. Платок отвел от лица, развернул за уголки и внимательно посмотрел в него, как фокусник во время представления. Но, к моему удивлению, из платка не вылетел голубь и не полезли бумажные цветы. Он просто снова сложил платок и спрятал его в карман:

— Извините меня, но предмет разговора мне пока неясен. Впрочем, я попытаюсь удовлетворить ваше любопытство и...

И начал в пятый раз излагать какую-то фантастическую историю о болгарском друге, с которым он познакомился несколько лет назад в Крыму. Однажды купались

в штормовую погоду, и болгарин стал тонуть. И вот тогда, мол, Дедушкин, рискуя жизнью, вынес его из пенных волн. Немного очухавшись, спасенный снял с пиджака орден, которым его наградили во время войны за героизм, и подарил его своему спасителю.

— ...И уж, простите меня, храню его как память, — закончил он свое почувствованное выступление.

Почти в каждое предложение Дедушкин вставлял «прошу прощения», «уж извините», но его полный сдержанных модуляций голос дрожал от обиды, и если ты еще не совсем скотина, то должен был бы понять, что извиняться, конечно, надо тебе самому. И у Сашки Савельева был вид человека, уже осознавшего себя прохвостом и примирившегося с этим навек. Поэтому он робко спросил Дедушкина:

— А что, старый был болгарин?

Дедушкин высокомерно усмехнулся:

— Почему же это «был»? Он еще довольно молодой человек...

Изобличенный в невежестве, Сашка совсем сник и горестно закачал головой:

— Ай-яй-яй! Вот ведь беда какая! Теперь все совсем запуталось...

— Простите, я не пойму — почему? — с достоинством спросил Дедушкин.

Сашка быстро взглянул на меня, усмехнулся:

— Да по нашим расчетам получается, что вашему болгарскому другу, гражданину Дедушкин, должно быть сейчас лет эдак сто...

— Простите меня, но я не совсем...

Я взял со стола золотой крест с бриллиантами на муаровой ленточке и показал Дедушкину:

— Это очень старый орден. Вот здесь, на обратной стороне, написано...

Дедушкин взглянул мне в глаза, и океан скорби и стыда за все человечество затопил меня. Теперь Дедушкин сты-

дился не только за нас с Сашкой, но и за своего неведомого нам болгарского друга:

— Значит, он обманул меня...

— Ага, — сказал радостно Сашка. — Я-то все волновался, что вы нам не говорите правды, а оказалось, что наврал этот прохвост. Слава богу! Теперь надо узнать, как к вам попал этот импортный чемодан, набитый заграничными вещами, и маленькое недоразумение между нами будет улажено.

— А он, наверное, спас иностранца во время авиационной катастрофы, — невинно предположил я и повернулся к Дедушкину. — И за это иностранец наградил тебя своим чемоданом. Нет?..

Дедушкин достал из кармана свой замечательный ба-тистовый платок и проделал с ним полный цикл фокуснических манипуляций. Потом грустно сказал мне или нам обоим:

— Вы дурно воспитаны...

Леха Дедушкин по кличке Батон, опытный вор-«май-данщик» — специалист по кражам на вокзалах и в поездах, был моим старым знакомым. И, услышав это скорбно-интеллигентное «вы дурно воспитаны», я просто захохотал, поскольку с этих слов началось наше с ним знакомство восемь лет назад. Тогда он совершил непростительную для профессионала ошибку — оставил у себя редкой красоты краденые часы. Он носил их в верхнем кармане пиджака на плоской платиновой цепочке, закрепленной какой-то изящной запонкой в петлице на лацкане. По этой-то цепочке я его и высмотрел, довольно бесцеремонно извлек ее вместе с часами из кармана, и часы повисли на лацкане, как военная медаль. Тогда-то он мне и сказал: «Вы дурно воспитаны». И весь он — сидящий, очень элегантный, с часами-медалью на груди — источал такую скорбь по поводу моей невоспитанности, что я растерялся и с развязностью пристыженного мальчишки сказал ему, чтобы он лучше о себе подумал, что воровать в его возрасте стыдно, и что... и что... В общем, доставляя Батона в дежурную

часть, я поведал ему массу всяких пламенных глупостей, а он слушал меня не перебивая. Потом сказал с усмешкой:

— Да-а, пижонство вора погубило... — И с неожиданной злобой добавил: — Ненавижу я вас, сопляков из уголовки. Работать вы еще не умеете, но усердия и страсти на десятерых. Ты бы взглянул на себя, у тебя от возбуждения сейчас температура. Под сорок... Щенок.

Дело прошлое, но сейчас-то я могу честно сказать, что еще много лет не мог забыть и простить Батону «сопляка», которым он меня наградил при знакомстве. Я даже заранее придумал несколько остроумных и ехидных шуток, которые скажу ему, если доведется когда-нибудь его снова задержать. Но жизнь мало заботится об удовлетворении нашего копеечного тщеславия. Медленно, но неустанно трясет она нас в своем жестком сите, и постепенно опадает всякая труха, забываются глупости и мелочи, исчезают вздорные иллюзии, пока не остается одно лишь человеческое ядро. Правда, мне доводилось видеть, как человек целиком превращается в шелуху, или, может быть, и не было у него своего ядра, только посмотришь на такого — и с ужасом обнаруживаешь, что рядом с тобой человек целиком ушел в отходы. Да, но я не об этом. Я к тому, что много лет мне понадобилось, чтобы понять: ничего, во-первых, нет радостного в том, что я снова поймал Батона. Во-вторых, никаких слов мне не надо, чтобы доказывать ему свое нравственное и физическое превосходство, поскольку он проиграл свою партию еще до свистка. Ведь дело не в том даже, кто из нас умнее, наблюдательнее или кто быстрее бежит, а в самом характере наших взаимоотношений: я всегда преследую его, я всегда в атаке. Батон всегда должен скрываться, всегда бежать. Ну и, в-третьих, я только сейчас сообразил, что Батон был прав, назвав меня тогда щенком.

И неожиданно мне стало жаль этих своих безвозвратно ушедших лет, того душного вечера на товарном дворе Киевского вокзала, где остро пахло свежими сосновыми досками, угольной гарью, вишнями, и все всплыло в моей памяти, будто я просматривал ролик цветной киноленты, на

которой было не только изображение, но и звуки, и запахи, и все мои волнения. Я видел нас обоих, будто не было восьми лет и мы все еще стоим во дворе Киевского вокзала: спокойный, прекрасно одетый Батон с часами-медалью на груди и я — злой, тощий, с модненькой в то время прической ежиком и торчащими рубиновыми ушами, в скверном, все время мнущемся, несмотря на мои ухищрения, польском костюмчике, старающийся выглядеть уверенным и спокойным и от этого еще более взволнованным и неловким. Я помню даже тополиные пушинки, которые Батон сбил с рукава точным и легким щелчком, и его злобно-презрительное «щенок». Но в тот момент я еще не мог вспомнить слов, что сразу всплыли в памяти сейчас, через восемь лет, и которые он произнес за несколько минут до «щенка». Он сказал тогда: «Вы дурно воспитаны». И, услышав сейчас эти слова, я почувствовал себя полностью отмщенным за того давнего «сопляка» и «щенка».

— Да, не сильно ты за это время вырос, Батон, — сказал я весело. — За восемь-то лет мог придумать что-нибудь поновее...

Батон, не глядя на меня, ответил с большим достоинством:

— Последние восемь лет я был занят обдумыванием своего тяжелого прошлого и пришел к твердому решению жить по закону. А ваши выходки, гражданин Тихонов, оскорбляют мое человеческое достоинство и, надеюсь, станут предметом принципиального разговора у руководства московской милиции.

Ага, даже по фамилии помнит. Я сказал:

— Что и говорить, Батон, ты типичный «человек с трудной судьбой». Но не обольщайся, полагая, что каждая кража чемодана становится предметом обсуждения у руководства.

— Я ваших порядков не знаю, но ни к какой краже отношения не имею.

— Это ясно, — кивнул я. — Правда, я не понимаю, за чем тебе эта комедия. Через час в сводку попадет заявле-

ние гражданина, у которого ты украл этот чемодан, и твоя очередная легенда получит естественное завершение.

Батон пожал плечами, показывая, что все мои домыслы не имеют к нему никакого отношения. Если бы это происходило не сейчас, а восемь лет назад, я бы, наверное, испытывал немалое злорадство, представляя, как с минуты на минуту явится потерпевший и расскажет, при каких обстоятельствах Батон увел у него чемодан. Но сейчас я не испытывал никакого злорадства, потому что прошло восемь лет и я уже не был «щенком», и хорошо знал, что Батон при опознании, и на следствии, и в суде будет выступать оскорбленным праведником, так и уйдет в тюрьму. И никакого удовольствия оттого, что Батон не считает меня больше «сопляком», я тоже не испытывал.

— Что еще есть в вашем чемодане? — спросил Савельев, и я от неожиданности вздрогнул, потому что он так долго сидел молча, а я так погрузился в свои воспоминания, что совсем забыл о нем. Сашка держал в руках дорогой японский фотоаппарат марки «Никон».

— Да всякая чепуха. — Батон посмотрел на Савельева, потом внимательный взгляд его ощупал роскошную камеру. Немного помолчав, он небрежно махнул рукой. — Фотоаппарат, например...

Я сказал Сашке назидательно:

— Учитесь, товарищ капитан. Вот прекрасный образец бессребреничества и душевной широты: гражданин Дедушкин считает чепухой аппарат, который стоит больше, чем он заработал за всю свою долгую трудовую жизнь.

Но Батона такими пустяками не выведешь из равновесия. Он четко гнул раз и навсегда выбранную линию. Он смотрел на меня своими грустными умными глазами, точно такими, как на старых иконах или у актера Михаила Козакова, и говорил снисходительно-вежливо:

— Ну зачем же вы со мной так, гражданин Тихонов? Помимо того что вы еще ничего не доказали насчет этого чемоданчика, вы хоть с возрастом моим считайтесь — я ведь почти вдвое вас старше...

Ах молодец, ах нахал! Ведь прекрасно знает, что я сам раскапывал его «биографию» и доказал тогда, что ему на пятнадцать лет меньше, чем он приписывает себе, и в этом году ему исполнится только сорок четыре года, но все равно прет как танк. Ладно, мы ведь не на товарном дворе Киевского вокзала, и я, к сожалению, уже не щенок.

— Вдвое, значит?

— Вдвое. Почти вдвое, — ласково кивнул Батон.

— А я, значит, дурно воспитан и поэтому неуважительно разговариваю с тобой?

— Точно, — подтвердил Батон. — А я разговариваю с вами уважительно. Между прочим, на «вы». Так что сначала насчет чемодана докажите.

— Докажем, Дедушкин, докажем. Ты об этом не беспокойся, — беспечно улыбнулся я.

Но было мне в этот момент не особенно весело, и в глубине души нарастало беспокойство, оттого что не поступает никаких сигналов от потерпевшего, а без хозяина чемодана мы ровным счетом ничего не сможем доказать. И тогда надо будет Батона отпустить, предварительно извинившись. И пока я вел все эти для меня изнурительные неприужденные разговоры с Батоном, не покидало меня предчувствие, что здесь не все ладно, и я с нетерпением ждал известий о хозяине чемодана. Мне еще было невдомек, что владелец чемодана заявить о пропаже не может...

Сонный милиционер сказал Батону:

— Ну, пошли, что ли?

Тот встал, чинно поклонился нам, плащ перекинул на руку и гордо понес к дверям красивую седеющую голову. Глядя на Батона, я думал, что все его коренастое, крепкое туловище — только приспособление для ношения головы, значительной, крупной, вознесенной вверх, как у деревянной статуи на носу парусного фрегата. Милиционер посторонился в дверях, пропуская его, и Батон снисходительно кивнул. Посторонний человек, наблюдая их, наверняка

решил бы, что это ненароком заглянул сюда какой-то министр и сейчас в сопровождении милиционера обходит наши скромные апартаменты: «Рассказывайте, товарищи, какие у вас нужды?..»

ГЛАВА 2

Вор Леха Дедушкин по кличке Батон

Доброе начало полдела откачало. Это мой папаша так сказал бы. Или что-нибудь в этом роде. У него на каждый случай полно таких дурацких поговорочек. А начало получилось действительно знаменитое. Как он углядел меня, мент проклятый! Вот уж если не повезет, то никакой расчет против случая не тянет. Мне как-то на этапе Демка Фармазон рассказывал, что довелось ему удачно обобрать химчистку: сложил два здоровых тюка отборных вещичек и выкинул со второго этажа во двор. А там в затишке постовой милиционер обнимался с дворничихой — вот прямо на них тюки и упали. Спустился Демка, так они его не только повязали, еще и по шее как следует наkostenяли за порушенный уют.

Но, конечно, противнее всего, что подвизался к этой истории Тихонов. С ним я дерьма накушаюсь. Это как пить дать. Вредный он, зараза, и наверняка на зло память долгую держит. Окажись под рукой мой дед, он бы мне сказал: «С людьми надо уметь строить отношения». Н-да, хорошо ему было строить отношения, когда он в Коммерческом клубе по вечерам играл в карты с ростовским полицмейстером Свенцицким. И когда полковник Свенцицкий лез под стол за упавшим полтинником, мой дорогой дед светил ему зажженной сторублевкой — «катенькой». Думаю, что Тихонов со мной не сядет играть в карты. Да и я нашел бы сторублевке лучшее применение.

Так что, попался? Неужели сторел Леха Дедушкин? Эх, Тихонов, миляга мой расчудесный, если бы ты знал, как мне неохота лезть в кичу по-новому! Это ведь ты толь-

ко думаешь, что мне сорок четыре годика. А на самом-то деле мне еле тридцать семь отстучало. Ты хоть и вострый паренек, но замотал я тебя в прошлый раз, да и масть моя седая сбила тебя с толку. Знаменитая у меня масть — седина бобровая, серебряный волос из меня со школьной поры прет. Мне бы с такой благородной окраской фармазонить — фраерам «куклы» продавать, а я вот по глупости в майданчики подался. Как говорила мадам Фройдис, что держала хазу в Марьиной Роще, в Пятом проезде: «Если человек дурак, то это надолго».

Конечно, виноват во всем охламон, который придумал поговорочку «Ученье — свет, а неученье — тьма», потому что у меня как раз все неприятности от ученья. Вот те несчастные без малого десять лет, что я отсидел в школе, и определили тайный ход карт моей жизни. Я почувствовал огромный избыток образованности — она меня переполняла, она меня просто душила, полсвета я мог бы обучить из несметных своих знаний. И даже если бы меня не вышибли из школы за то, что я спер и продал на Тишинке пальто нашего химика, я бы все равно, наверное, уже не мог учиться — я и так все знал.

Почему-то я часто вспоминаю этого химика. Он уже умер наверняка, ему и тогда было за шестьдесят. Но его я вспоминаю чаще многих живых. Он странный человек был. Однажды, поспорив с Васькой Мухановым на два бутерброда, я встал на уроке и сказал: «Петр Иванович, извините, пожалуйста, но мне кажется, что вы дурак». Дело давнее — почитай, лет двадцать с гаком укатило, но я и сейчас помню ту ужасную тишину, просто немоту какую-то, залившую класс. Замерли все неподвижно, будто грянул гром и все окаменели. А Васька Муханов побелел так, словно я ткнул его рожей в гипс, он ведь до последнего момента не верил, что я скажу. Мне и самому не хотелось говорить, но мы уже поспорили, не отдавать же ему бутерброды. Я и сказал. Тихо было в классе, только с Цветного бульвара раздавался трамвайный звон и сипло дышали проржавевшие трубы отопления. Я поднял глаза на учителя — он

тоже тихо стоял, длинный, очень худой, в синей гимнастерке, штопаной, старой, обсыпанной мелом и табачным пеплом. Стоял он, заложив руки за широкий сержантский пояс, и, прищурясь, смотрел на меня одним глазом — одним, потому что на втором было большое серое бельмо.

Он, наверное, долго молчал, мне-то уж, во всяком случае, показалось — целую вечность, а потом не спеша и негромко сказал:

— Может быть. Может быть, с твоей точки зрения, я и дурак, — помолчал и спросил, будто советовался со мной: — Только как же мне учить-то тебя дальше?

Не знаю, если бы он мне дал по рылу, или вышвырнул из класса, или послал бы к страшному директору школы Шкловскому — в общем, принял бы какую-то необходимую по их учительской науке меру, то, может быть, все в моей жизни пошло бы по-другому. Но он не принял мер. Или, может быть, это была неприменимая ко мне мера — он хотел подействовать на меня добром, а я этого смерть как не люблю, но, во всяком случае, он сказал только:

— Ты сядь, Алексей. Такие вещи не обязательно говорить стоя...

Вот ей-богу, я и сейчас не могу понять, почему я себя повел тогда таким макаром. Я просто озверел. Ну простил старик, садись, утри сопли и помалкивай в тряпочку. Побил он козырным тузом твою мусорную семерку — сиди и не рыпайся. Так нет же — битого валета из рукава потянул. Убежал со следующего урока, взял в раздевалке пальто химика и отнес на Тишинку. Черное пальто было, с истертым бархатным воротничком, из драпа с пылью пополам. Там меня и загребли. Доставили в пятое отделение, сидел я в «аквариуме» вместе с какими-то пьянчугами, бабами-мешочницами, одним карманником и бритым чучмеком поперек себя шире.

Потом я увидел через решетчатую дверь, как в дежурку в клубах пара с мороза ввалился химик Петр Иванович, замотанный шарфом, в женской кацавейке поверх синей гим-

настерки. Я видел его бураковые, набрякшие уши и как он судорожно растирал занемевшие от холода руки, и все во мне переворачивалось от жалости к нему и ненависти на весь мир. И слушал его тихий, бубнящий голос, бившийся о деревянный барьер дежурки, как в стены бочки, и, наверное, именно тогда я в первый раз подумал, что все мы живем в бочке, громадной бочке, которая нам и земля, и небо, и весь наш размах и полет, и все наши удачи и унижения, все ограничено покатыми вонючими стенками невидимой глазом бочки, которая и сама-то не твердь, а так, кусок дерьма, мчащийся на волнах мироздания.

Химик бормотал: «Нервный мальчик... это эксцесс... педагоги должны в первую очередь отвечать...»

И тогда я с разбегу бросился на решетку двери, искровенив махом себе всю рожу, и заорал жутким, рвущимся из живота криком:

— Не верьте!.. А-а-а! Я сам за все отвечу!.. Вы мне все надоели!.. Я украл! Украл! Украл!..

ГЛАВА 3

Досуг инспектора Станислава Тихонова

— Крупная сволочь этот твой старый друг Дедушкин, — задушевно сказал Сашка.

— Да-а? — удивился я. — Не совсем так. Это определение не для него.

— А какое же для него? — насмешливо глянул на меня Сашка.

— Враг. Стал бы я с ним четыре часа разводить тарыбары, если бы он был просто сволочь. Но он нам враг и требует серьезного отношения.

— И что будем делать?

— Если Батон сообразит, что у нас нет потерпевшего, дело швах. Но я и сам не могу понять, почему до сих пор от него не поступило заявление.

Сашка уверенно сказал:

— Ничего страшного. Хозяин за эти четыре часа мог еще и не хватиться чемодана, а сейчас, пожалуй, уже спит. Утром обнаружит пропажу и заявит.

— Да-а? Ты так думаешь? — спросил я с надеждой. — Я тоже хочу так думать...

— И что?

Я лениво потянулся, подавил в скулах зевок, сказал:

— Пива хорошо бы попить. С воблой и соленым горохом. «Праздрой» любишь?

— Ничего. Со свежими раками лучше. Так что же с чемоданом?

— А я сам не знаю. Я ведь и не говорил, что у меня есть какие-то предположения. Просто я не верю в рассеянность этого потерпевшего.

Сашка сердито уставился на меня. Я встал, обнял его за плечи, засмеялся:

— Брось, старикан. Ничего мы сейчас с тобой не придумаем: это задачка по линии математического бреда. А трехмерные упражнения мы с тобой в уме делать не умеем. Так что все равно ничего не получится.

— Да перестань ты выкаблучиваться! — прорвало наконец Сашку. — Надо сесть и подумать, в каком направлении искать.

— Вот именно: в каком направлении искать, — обрадовался я. — Хорошо, что мы с тобой сидим сейчас на Киевском вокзале и точно знаем: поезда отсюда уходят только в юго-западном направлении СССР, где расположена четверть советских городов и населения. Поэтому остальные три четверти мы можем не проверять...

Сашка сделал протестующий жест, но я успел договорить:

— Это при условии, что ты прав и пассажир еще едет в поезде. А если он, наоборот, приехал в Москву?

— Тогда надо построить несколько рабочих версий и...

— Давай. Тем более что из всех известных мне видов строительства это самый дешевый и неутомительный.